
Проблема неопределенности в аналитической метафизике

© 2022 г. В.Е. Семенов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

E-mail: semyonov.ve@philos.msu.ru

Поступила 10.09.2021

Статья посвящена неопределенности как проблеме аналитической метафизики. Специфика рассмотрения неопределенности у философов-аналитиков состоит в обращении к античным истокам этой проблемы и в экспликации ее существенных характеристик из апорий Евбулида. Современные метафизические теории рассматривают неопределенность как обобщающий термин для тех явлений, которые: а) либо демонстрируют пограничные случаи, б) либо не имеют четких границ, в) либо не обладают строго определенными условиями идентичности. В современной метафизике выделяются онтологический, семантический, эпистемический и логический виды неопределенности. Однако не все они в равной степени корректно обоснованы. Все случаи «онтологической неопределенности» сводятся в конечном итоге либо к ограниченности наших познавательных инструментов, либо к языку, который не в силах однозначно «схватить» сущность объекта. Поэтому онтологический вид неопределенности представляется недостаточно обоснованным. Семантическая неопределенность рассматривается как феномен, который относится лишь к сфере семантики (языка) или понятий и не является характерной чертой онтологии мира. Эпистемическая неопределенность тематизируется как разновидность «незнания».

Ключевые слова: метафизика, онтологическая, семантическая и эпистемическая неопределенность, неопределенные предикаты, пограничные случаи, нечеткость границ понятий, «семантическая нерешительность», «допустимая погрешность».

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-11-64-75

Цитирование: Семенов В.Е. Проблема неопределенности в аналитической метафизике // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 64–75.

The Problem of Vagueness in Analytic Metaphysics

© 2022 Valeriy Ye. Semyonov

*Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovskiy prospekt, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: semyonov.ve@philos.msu.ru

Received 10.09.2021

The article is devoted to vagueness as a problem of analytical metaphysics. The specificity of the consideration of vagueness by philosophers-analysts lies in the appeal to the ancient sources of this problem and in the explication of its essential characteristics from the aporias of Eubulides. Modern metaphysical theories consider vagueness as a general term for those phenomena that: a) either demonstrate borderline cases, b) either do not have clear boundaries, c) or do not have strictly defined identity conditions. In modern metaphysics ontological, semantic and epistemic types of vagueness are distinguished. However, not all of them are equally valid. All cases of “ontological vagueness” ultimately come down either to the limitations of our cognitive tools, or to a language that is unable to unambiguously “grasp” the essence of an object. Therefore, the ontological type of vagueness seems to be insufficiently substantiated. Semantic vagueness is considered as a phenomenon that belongs only to the sphere of semantics (language) or concepts and is not a characteristic feature of the ontology of the world. Epistemic vagueness is thematized as a kind of “ignorance”.

Keywords: metaphysics, ontological, semantic and epistemic vagueness, vague predicates, borderline cases, fuzzy boundaries of concepts, “semantic indecision”, “margin of error”.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-11-64-75

Citation: Semyonov, Valeriy Ye. (2022) “The Problem of Vagueness in Analytic Metaphysics”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 11 (2022), pp. 64–75.

Сложно отыскать в человеческом мире проблему более распространенную и значимую, чем неопределенность. Как и любая фундаментальная проблема, уходящая своими истоками в не проясненные до конца глубины человеческого мышления, неопределенность имеет основательные метафизические корни. Целью данной статьи является критический анализ проблемы неопределенности в современной метафизике.

В аналитической метафизике неопределенность занимает, без преувеличения, одно из главенствующих мест. Если перечислить навскидку доминирующие темы метафизики конца XX – начала XXI в., то в их число войдут такие приоритетные и остродискуссионные проблемы, как субстанциализм и акциденциализм, эссенциализм и онтологический статус, существование и не-существование, внутренние и внешние качества, абстрактные сущности и материальные объекты, реализм и номинализм, универсалии и партикулярии, мерологический универсализм и нигилизм, сознание и тело, пространство и время, фундаментальные категории метафизики и современная логика, реализм и анти-реализм, событийная и агентная причинность, детерминизм и свобода воли, компатибилизм и инкомпатибилизм, модальность и онтология возможных миров, тождество личности (personal identity) и идентичность как таковая (identity), понятие Бога и доказательства Его существования, факты и положения дел, истиносозидатели (truthmakers) и истиноносители (truthbearers), аргументы «бритвы» и принцип экономии, а также многие другие.

Среди всех этих насущных метафизических вопросов – как базовых, так и частных – проблема неопределенности занимает важное и вместе с тем особенное место. Важное – поскольку она, безусловно, является фундаментальной. Особенное – по той причине, что неопределенность в той или иной мере присутствует едва ли не во всех вышеперечисленных темах метафизики. Кроме того, она явно имеет различные уровни своего проявления – онтологический, семантический, эпистемический, логический.

Античный генезис проблемы неопределенности

Происхождение неопределенности философы-аналитики связывают прежде всего с представителем (быть может, даже схолархом) так называемой «Мегарской школы» Евбулидом (IV в. до н.э.): «Философское обсуждение неопределенности (vagueness) восходит своими истоками, по крайней мере, к досократикам. Греческому логик Евбулиду обычно приписывают формулировку проблемы неопределенности в ее классическом виде: парадокс кучи. (“Куча” по-гречески “сорос” – отсюда и термин “парадокс соритов”). Таким образом, загадка старая, но она остается запутанной» [Barnes 2009, 370].

Весьма эмблематично, что главные характеристики самой Мегарской школы, а именно ее институциональный статус, доминирующие темы, местонахождение, а также состав участников – как раз и страдают известной неопределенностью. От Диогена Лаэртского мы узнаем, что «мегариков» современники именовали «эристиками» и «диалектиками» по той причине, что они создавали *критические* и *скептические* философские сочинения [Диоген Лаэртский 1979, 137]. От строгой логической аргументации *эристика*, как и схожая с нею *антилогия*, отличались тем, что в любой дискуссии обе они не гнушались использовать разнообразные логические уловки. Именно в этой связи Рой Соренсен обвиняюще замечает: «Репутация мегариков в деле кромсаения логики (logic-chopping) была подкреплена учеником и преемником Евклида Евбулидом» [Sorensen 2003, 84]. Соприкосновение с неопределенностью в онтологических статусах, семантических значениях, эпистемических затруднениях и логических рассуждениях вызвало экспликацию этой проблемы в знаменитых апориях. В настоящее время эти апории рассматриваются в аналитической метафизике в качестве «исходного пункта» неопределенности и ее классических иллюстраций.

Апория «Сорит» («Куча»): два зернышка еще не составляют кучи зерна; но если мы постепенно начнем прибавлять по зернышку, то в определенный момент возникнет куча. С какого же количества зерна появляется куча? Где располагается граница перехода какого-то количества зерен в кучу?

Апория «Лысый»: если у густоволосого человека постепенно выдергивать по одному волоску, то в какой именно момент, после какого количества вырванных волос можно говорить, что человек лысый? Иначе говоря, как определить границу, за которой человек с шевелюрой превращается в лысого, как коленка, индивида?

Если проанализировать апории «Куча» и «Лысый», то можно сразу отметить, что речь в них идет о *соотношении дискретного и непрерывного* в каком-либо совершающемся абстрактном процессе. Кроме того, апории наглядно демонстрируют *неопределенность* множества слов повседневного языка. Нужно отметить также предикаты, относящиеся по своей сущности к *степеням* как таковой (*степени бытия*, говоря словами Платона), в том случае, конечно, если мы согласны принять наличие степеней реальности. И наконец, такого рода предикаты также могут обозначать *качество* вещи, процесса или явления.

Одна из целей такого рода апорий вполне очевидна: разрушить общеизвестные и широко распространенные «*очевидности*» повседневной жизни, которые сформировались на так называемом «жизненном опыте», и противопоставить им логическую аргументацию. Крупнейший специалист по проблеме неопределенности, оксфордский философ-метафизик Тимоти Уильямсон, таким образом подводит итог штудий мегарского схоларха: «Интересы Евбулида могут быть квалифицированы как чисто логические.

И если он имел в виду конкретную цель, она, вероятно, была логической. Но если он даже не имел конкретной цели, из этого вовсе не следует, что его интерес к головоломкам соритов был легкомысленным, поскольку любой абсурд, явно разрешенный общепринятыми стандартами аргументации, может рассматриваться как серьезный вызов этим стандартам. Загадка угрожает всей системе мышления, внутри которой она сформулирована, и по этой самой причине она не опровергает ни одного из элементов системы, в частности, до тех пор, пока не будет поставлен положительный диагноз, устраняющий источник проблемы» [Williamson 2001, 9–10].

Последующие философские направления Античности (IV в. до н.э. – II в. н.э.) сформировали традицию сугубо *негативного* понимания неопределенности как проблемы, которой следует, прежде всего, избегать, а не решать. Самый общий и краткий вывод из метафизических штудий Античности можно выразить следующим образом: неопределенность коренится: а) в ограниченности наших познавательных способностей и инструментов познания, которые неспособны «схватить» трудноуловимую сущность объекта (эпистемическая неопределенность), а также б) в неспособности наших слов и высказываний определить смысл вещи, явления или процесса (семантическая неопределенность).

Сущность проблемы неопределенности

Полагая апории Евбулида в основание «ситуации неопределенности» и эксплицируя именно из них сущностные характеристики феномена, аналитические философы-метафизики пришли к заключению, что термин «неопределенность» является *обобщающим* для тех случаев, когда:

- (i) мы сталкиваемся с так называемыми *пограничными ситуациями (дескрипциями)*;
- (ii) предмет изучения *не имеет четких границ*;
- (iii) исследуемые объекты не обладают строго очерченными *условиями идентичности*.

Рассмотрим эти характеристики подробнее. В любом естественном языке мы без труда отыщем большое количество слов, которые в сущности своей являются неопределенными. Такого рода предикаты могут относиться к любой сфере человеческого бытия или природного существования: «Кит сильнее слона», «Этот человек невысокий», «Моя куртка зеленая», «Питер Браун – лысоватый», «Эта куча песка – небольшая», «Баранкин – аморальный тип», «Головастику принадлежит лягушачье будущее», «Свобода – условие социального развития», «Этот закон является легитимным» и т.д. Все эти высказывания представляют собою неопределенные суждения, и, соответственно, требуют прояснения. Какие свойства присущи всем этим пропозициям?

Прежде всего, все используемые в суждениях предикаты следует отнести к так называемым *пограничным случаям* (“*borderline case predications*”) [Keefe, Smith 1996, 2]. Иначе говоря, невысокий рост – это сугубо индивидуальная оценка, в которой не выражена однозначно количественная характеристика. Зеленая окраска может быть пограничной с салатной или же цветом хаки. Головастика еще нельзя назвать лягушкой, но уже невозможно сказать, что он – *ничто*. Австралийский философ Доминик Хайд подчеркивает, что выражения типа «(находится) на болоте», «(является) коричневым», «(является) богатым» и т.д. – все это примеры предикатов, границы применения которых кажутся по существу неопределяемыми (*indefinite*) или недетерминированными (*indeterminate*), и они являются типичными примерами так называемых *неопределенных предикатов* (*vague predicates*)» [Hyde 2008, 2].

Очевидно, что принцип бивалентности Аристотелевой логики во всех этих примерах не применим. Классическая логика использует в своем арсенале только два значения – истина и ложь. Соответственно, любое высказывание может обладать лишь одним из них. Стало быть, мы можем рассуждать таким образом: «данная пропозиция имеет, в каждой возможной ситуации, только одно из этих двух значений истинности, так что, когда мы рассмотрели случай, в котором она истинна, и случай, в котором она

ложна, никакой другой *возможности* нами не было упущено. Однако поскольку подавляющее большинство пропозиций, которые мы реально используем в повседневной жизни, страдают от неопределенности (*vagueness*) в той или иной форме, следует признать, что это предположение является чем-то вроде идеализации. В отношении неопределенного (*vague*) высказывания существуют некоторые ситуации, в которых кажется естественным сказать, что оно не является ни истинным, ни ложным, но классическая логика не учитывает этого. По большей части эта идеализация, как представляется, не приносит никакого вреда, но бывают случаи, когда это может привести к неприятностям, то есть, когда мы очевидным образом получаем неверный результат, применяя четкие правила классической логики к неопределенным предложениям из повседневной жизни» [Bostock 2002, 4]. Иначе говоря, в этих ситуациях не действует закон исключенного третьего! Ибо во всех указанных ситуациях мы как раз и обнаруживаем это пресловутое «третье»!

Кроме того, для всех неопределенных предикатов характерна еще одна черта: у них отсутствуют жесткие и однозначные расширения, а также строгие границы: «по шкале высот *нет четкой границы* между высокими людьми и остальными; не существует явной точки, в которой наше растущее существо перестает быть головастиком. Иначе говоря, неопределенные предикаты естественно описываются как имеющие неопределенные границы. Но, согласно классической логике и семантике, все предикаты обладают строго определенными расширениями: они не могут иметь нечетких границ. Итак, все это снова говорит о том, что для разрешения проблемы неопределенности необходим отход от классических представлений» [Keefe, Smith 1996, 3]. Кроме того, довольно часто «неопределенные (*vague*) предикаты, ответственные за источник дискомфорта, найдутся в метаязыке, а не в объектном языке (*object language*)» [Sorensen 2004, 123]. Именно поэтому Ванн МакГи даже такое фундаментальное научное понятие, как «истина» рассматривает всего лишь в качестве неопределенного. Ибо, как он полагает, «мы используем *метаязык*, когда даем определение истины для *объектного языка*» [McGee 1990, 10].

Наконец, все неопределенные предикаты содержат в себе, как неустранимую составную часть, «*парадокс кучи*». Не в наших способностях усмотреть различие в росте, скажем, в один сантиметр. Постепенно отбрасывая из кучи песка отдельные песчинки, мы не способны сказать, когда именно куча перестала быть кучей и превратилась в горстку. Следовательно, «это парадокс кучи. Аргументы подобной формы могут быть построены из любого неопределенного (*vague*) термина» [Keefe 2003, 1]. Однако «аргументы со структурой сорита – не просто курьезы: они характерны, например, для некоторых хорошо известных этических аргументов типа “скользкого пути”» [Keefe, Smith 1996, 3].

Нельзя не заметить, что понятие «неопределенный» служит для обозначения какого-то *ненормального* класса предметов/ситуаций. Время от времени этот термин приписывают к *общим* пропозициям на том основании, что неопределенность возникает именно потому, что «широкие» понятия легче поддаются классифицированию. Однако проблема заключается в том, чтобы объяснить существование пограничных случаев как таковых. Что их породило, как они образовались и что именно обозначают? Обладает ли неопределенность какой-то важной функцией или же все пограничные случаи представляют собою разнообразный коммуникативный «шум»?

Бесконечная череда этих вопросов породила разнообразные подходы к способам квалификации неопределенности. Обратимся к рассмотрению доминирующих видов неопределенности: онтологическому, семантическому и эпистемическому.

Проблема существования онтологической неопределенности

Общеизвестным в аналитической метафизике признается, что «традиционно философы называли три потенциальных источника неопределенности: то, как мы используем наши слова (семантическая неопределенность); пределы того, что мы можем

знать (эпистемическая неопределенность) и то, как существует мир сам по себе (онтологическая неопределенность) [Barnes 2009, 371–372]. Однако и в вопросе об определении видов не существует общепризнанного мнения. Приверженцы семантического подхода к рассмотрению проблемы уверены, что никакой онтологической неопределенности не существует. Разумеется, сторонники онтологического взгляда придерживаются противоположной установки. Согласно последним, онтологическая неопределенность представляет собою «неопределенность, возникающую из-за того, как объективно устроен мир, а не из-за того, что мы думаем или говорим о нем; фундаментальная неопределенность касается того, что именно существует или какими характерными особенностями обладают вещи» [Neu 2014, 114].

Естественно, речь здесь не идет о весьма сомнительных с философской точки зрения рассуждениях о фантомной «неопределенности материи», а напротив, поднимается вопрос о предметах вполне реальных – неопределенности существования объектов, чей онтологический статус не поддается внятной и точной дескрипции. При этом остается непонятным: что именно не дает возможность четко и недвусмысленно определить предметы и дать однозначную характеристику их онтологической сущности – *сами ли вещи* в силу им присущей неопределенной природы или же наша *эпистемическая и семантическая неспособность?*

Онтологи рассуждают таким образом: возьмем известный пример из аналитической философии, а именно высказывание «Нынешний король Франции лыс». Совершенно очевидно, что у этой пропозиции не может быть значения истинности, поскольку мы не сможем отыскать ни факта, ни события, ни положения дел, которые своим реальным существованием могли бы придать истинность этому суждению. Но в таком случае, утверждают онтологисты, речь идет именно о бытийственной ситуации, а вовсе не о семантической, поскольку мы сталкиваемся с некоторым «*онтологическим дефицитом*». Или же возьмем еще одну простейшую демонстрацию того, что с неопределенностью мы сталкиваемся едва ли не на каждом шагу как раз в области существования. Если сидящий человек вдруг резко встает, то в некоторых случаях голова может закружиться, и тогда он утверждает: «Я вижу звезды перед глазами». Естественно, «перед его глазами» (как говорят в таких случаях) возникает неопределенное множество светящихся точек, но сколько именно, он сказать не может. В таком случае приверженцы онтологического подхода выдвигают предложение квалифицировать язык в качестве *промежуточного носителя* феномена неопределенности.

Всех, кто обращается к проблеме существования и связанной с нею неопределенностью, Уиллард Куайн строго предупреждает о том, что термин «существует» обычного языка может сослужить службу плохого проводника – как, впрочем, и все остальные слова, если мы следуем за ними чисто как филологи, не принимая во внимание путеводителей, уже подготовленных логической схематизацией». Если подходить к этому слову не критически и недифференцированно, то мы окажемся в ситуации, когда не сможем «провести различие между словом “существует” в пропозициях “существуют универсалии”, “существуют единороги”, “существуют гиппопотамы” и “существуют в (x)”, “существуют сущности x, такие что”» [Куайн 2010, 157, 154–155].

По мнению выдающегося английского философа Джонатана Лоу, неопределенность «затрагивает ключевые метафизические понятия, в частности, понятия *объекта, идентичности, конституции, структуры, постоянства, и, наконец, существования*» [Lowe 2011, 19]. Лоу рассматривает сугубо метафизическую тематику, хотя примеры он черпает из квантовой механики, то есть той науки, в которой присутствуют серьезные проблемы с определением существования предмета исследования (см.: реализм и анти-реализм). При анализе существования и идентичности, он рассматривает неопределенную ситуацию, образуемую двумя электронами. Неопределенность состоит в том, что обоим электронам присуще буквально неуловимое и, кроме того, – «взаимопереходящее» бытие. Отсюда возникает вопрос: возможно ли и как возможно неопределенное существование? Лоу полагает, что такого рода положение дел следует рассматривать как *недетерминированность (indeterminacy)*, а вовсе не как *неопределенную*

(*vague*) идентичность. Стало быть, следует признать в качестве возможности, что «бытие может быть неопределенным, когда сохраняющийся объект *начинает* или *перестает* существовать» [Lowe 2011, 49].

Другой сторонник онтологической неопределенности, Д. Хайд, пытается отыскать причины очевидности ее существования: «Причины в пользу онтологической неопределенности отыскать нетрудно. Во-первых, – и это наиболее очевидно, – здравый смысл, как представляется, свидетельствует об этом. Столы, стулья, облака, горы, пейзажи, лица, кошки и собаки все кажутся неопределенными: во многих случаях мы не можем указать решительно точные пространственные или временные границы для таких вещей, и наиболее очевидное объяснение этого заключается в том, что они просто не имеют четких границ» [Hude 2008, 106]. Помимо этого, во-вторых, феномен неопределенности возникает из совокупности логических проблем, связанных с теорией множеств (апория «Куча»). И кроме того, в-третьих, имеет место совсем уж нетривиальный и, как представляется, неожиданный источник онтологической неопределенности: в научной среде присутствует излишний «гносеологический оптимизм» в отношении возможности описать весь мир в однозначных научных категориях и непротиворечивых концепциях. В результате появилась обратная реакция, а именно – экспликация проблемы неопределенности в научном познании и, стало быть, признание невозможности строгой и однозначной дескрипции мира. Феномен неопределенности, по сути дела, разрушает научный оптимизм и ставит под сомнение идею и способность ученых к *полному* описанию своего предмета. И здесь Д. Хайд делает справедливый (на мой взгляд) вывод: «Полное описание “всех фактов” в точных научных терминах недостижимо. Язык науки, как представляется, может быть либо точным, но описательно неполным, либо полным, но в таком случае – неопределенным» [Ibid., 107–108]. В этой формулировке явно просматривается влияние принципа неопределенности Гейзенберга.

Наиболее известная критика онтологической концепции неопределенности последовала от выдающегося метафизика Дэвида Льюиса. Он настаивал на том, что неопределенность – это просто феномен нашего языка или нашего способа концептуализации мира. Льюис с готовностью признавал существование семантической неопределенности, но резко возражал против онтологической: «Единственное внятное объяснение неопределенности находится в наших мыслях и языке... Неопределенность – это семантическая нерешительность (*semantic indecision*)» [Lewis 1986, 212].

Приверженцы семантического подхода вообще отказывают онтологической неопределенности в праве на существование. Например, Розанна Киф утверждает, что «даже если все объекты, свойства и факты были бы точны, у нас по-прежнему имеются основания использовать в повседневной речи такое неопределенное выражение, как «высокий», которое до сих пор остается пограничным случаем... Таким образом, как представляется, язык все еще может оставаться неопределенным, даже если реальный мир точен» [Keefe 2003, 15–16]. Какой можно сделать вывод относительно условий возможности онтологической неопределенности?

На мой взгляд, о бытии самом по себе и о существовании вещей в мире мы способны утверждать нечто лишь исключительно с человеческой точки зрения, а вовсе не с позиции самого бытия. Иначе говоря, все наши высказывания о бытии неизбежно предполагают использование человеческих познавательных способностей и форм выражения этого знания – в первую очередь языка как творца сугубо человеческой картины мира. Мы не имеем *непосредственного* («Божественного») контакта с бытием самим по себе. Из человеческой жизни абсолютно не устраним широко известный «трансцендентальный факт»: существующий независимо от сознания реальный мир дается нам исключительно через наше сознание. Стало быть, все наши ощущения, восприятия, познание и мышление в целом мы конструируем только посредством сознания. Следовательно, говорить об онтологической неопределенности какой-либо вещи или бытия в целом могут только сама вещь или само бытие.

Если внимательно посмотреть на аргументы приверженцев онтологической неопределенности, то без всякого труда можно заметить, что все случаи так называемой «онтологической неопределенности» сводятся в конечном итоге либо к ограниченности

наших познавательных инструментов и механизмов, либо к использованию языка, который не в силах однозначно «схватить» какую-то характеристику вещи. Ссылки на то, что неопределенность возникает из-за того, что «так объективно устроен мир», – это, скорее, из области «рыночной философии», основанной на естественной и наивной установке сознания. В такие утверждения можно только верить, ибо никаких строгих доказательств за ними не стоит. С такими аргументами не полемируют.

Замечание об «онтологическом дефиците», присущем высказыванию «Нынешний король Франции лыс», представляет собою хитроумную логическую уловку. Ее суть заключается в том, что реальное бытие исподволь и незаметно переносится в сферу языка, и там происходит ловкая подмена. В результате язык становится *как бы* бытием. Однако это не так. «Онтологический аргумент» в таком предельно архаичном и незамысловатом виде давным-давно разрушен Кантом и сдан в кунсткамеру метафизических несуразиц и завиральных идей. Также и свежеизобретенный аргумент «от чувственной иллюзорности» («Я вижу звезды, когда резко встаю») не может, конечно же, быть основанием для бытия, пусть даже «неопределенного».

В отношении аргументации многоуважаемого Джонатана Лоу (действительно глубокого философа!), касающейся неопределенности «ключевых метафизических понятий», можно сказать, что эта проблема в самом деле существует, но только в области *понятий*. Это же утверждение относится и к недетерминированной (неопределенной) идентичности двух электронов. Если мы обратимся к принципу неопределенности В. Гейзенберга (точному измерению доступна только одна характеристика элементарной частицы, скажем, ее координата; тогда как другая, например, скорость/импульс – не может быть точно измерена), то здесь мы как раз обнаруживаем затруднения, связанные именно с нашей эпистемической способностью. О том же свидетельствует и принцип дополнителности Н. Бора. Любое фундаментальное явление природы не может быть определено точно и однозначно с помощью лишь одной системы понятий, но требуется использование по меньшей мере двух различных (или взаимоисключающих) понятийных структур: например, пространственно-временной системы и энергетико-импульсивной, физической и математической, научной и художественной и т.п. Здесь преодоление неопределенности также однозначно увязывается с нашими познавательными инструментами.

Онтологическая интерпретация неопределенности представляет собою, скорее, пышную и цветистую метафору, нежели строгую дескрипцию проблемы. Цель такой метафоры, как представляется, – осуществить художественно разыгранный мысленный эксперимент, своего рода философскую ролевою игру, в ходе которой мы, субъекты, становимся на место бытия самих вещей и пытаемся определить, в чем же все-таки состоит неопределенность их бытия

Семантическая неопределенность

Разнообразные семантические теории неопределенности однозначно утверждают, что в мире невозможно отыскать неопределенные в своем бытии объекты. Исследуемый феномен представляет собою исключительно проблему смысла, или семантики. В таком случае семантическая неопределенность есть не что иное, как «неопределенность, являющаяся результатом семантической нерешительности; не существует фактов, позволяющих точно определить во всех случаях, к чему именно применяются наши термины» [Ney 2014, 114].

Тогда неопределенный предикат будет представлять собою такое слово, которое не находит строго определенного и однозначного референта в действительности: «*Лысый* и *высокий* – стандартные примеры неопределенных (*vague*) слов, но на самом деле каждое общее слово, обозначающее цвет, неопределенно, как и большинство слов, которые мы используем в повседневной жизни. Рассмотрим такие слова, как *саркастический*, *сардонический*, *легкомысленный*, *банальный*, *неубедительный*, *поверхностный*, *ничтожный*, *мелочный*, *пустяковый*, *удачный*, *неважный*, *яппи*, *мрачный*, *угрюмый*, *се-*

рвезный, дурацкий, суровый, беззаботный, ветренный, бойкий, скудный – список можно продолжать до бесконечности. Хотя такие слова могут прекрасно выражать неопределенные понятия или идеи, они не могут обозначать определенные свойства или предметы в действительности, потому что они не подразумевают ничего определенного или детерминированного» [Aune 2002, 140].

Разумеется, неопределенность как таковая, неопределенность *per se* естественным образом проявляется, прежде всего, в семантике – смысловых языковых выражениях. Именно *проявляется*, поскольку ее генетическое основание может находиться не только в семантической области, но и в наших познавательных способностях. Любой естественный язык представляется нам как отчасти неопределенный и смутный. Иногда удается элиминировать эти недостатки, но это происходит лишь в специальных, искусственно созданных тезаурусах: языках логики, компьютерного программирования, математической дескрипции, шахматной записи.

Знаменитый оксфордский философ и классик аналитической философии, Майкл Даммит, предложил способ, который в определенной мере поможет снять проблему семантической неопределенности. Суть новации заключается в использовании «*приемлемого уточнения*»: «В отношении каждого неопределенного предиката (*vague predicate*), например, термина “красный”, мы можем принимать во внимание то отношение, которое будет иметь к нему другой предикат, скажем, “румяна”, если термин “румяна” является тем, что я буду называть приемлемым уточнением (*acceptable sharpening*) термина “красный”. Предикат “румяна” является приемлемым уточнением для термина “красный”, если (i) “румяна” есть предикат со вполне детерминированным применением, (ii) все, что определено красное, есть румяна, (iii) все, что определено не красное, не есть румяна, и (iv) все, что в наибольшей степени соответствует тому, что определено красное, что делает некоторую данную вещь тем, чем являются румяна, есть румяна сами по себе... С точки зрения этого понятия [*приемлемого уточнения*], мы можем сейчас говорить о том, что предложение языка является истинным, если оно оказывается истинным при замене его неопределенных предикатов на их уточнения в соответствии с любой приемлемой системой уточнений» [Dummett 1994, 73].

Аналогичную контекстную модель устранения неопределенности выдвигает Стюарт Шапиро. Он предлагает идею «открытой текстуры» (*open-texture*). Смысл ее заключается в том, чтобы применять контекст для элиминации неопределенности. Анализ так называемых «пограничных случаев» показывает, что термин «пограничный» (“*borderline*”) означает «неустановленный» (“*unsettled*”), а «неустановленный» влечет за собою «открытый». В таком случае «понятия контекста и разговорной оценки используются для того, чтобы провести необходимые различия, показывая, насколько когерентно использование неопределенных предикатов» [Shapiro 2006, 44]. Позволю себе применить современную метафизическую терминологию для описания этого способа: для прояснения термина (понятия) необходимо отыскать такое *положение дел* и такие *факты*, которые смогут быть *истиноносителем* для изучаемого *определенного* контекста и, соответственно, *истиносозидателем* для *неопределенного* понятия. Однако, я полагаю, такую достигнутую истину и такую достоверность правильнее будет называть *контингентной* (не необходимой).

Вряд ли стоит рассчитывать на то, что контекстные способы устранения неопределенности применимы во всех случаях, в которых она возникает. Вероятно, указанные стратегии действуют только в ограниченной части ареала неопределенности и способны лишь в некоторой степени разрешить проблему. Ибо полная истина и полная определенность, как нам уже давно известно от Демокрита, *сокрыта в бездне*.

Оценивая «контекстную стратегию» в целом, стоит отметить, что использование синонимов для прояснения самого термина «неопределенность» (*vagueness*) редко дает ожидаемый эффект. При этом сам процесс работы с понятиями превращается в своего рода «языковую игру» (в уничижительном смысле): помимо базового термина «*vagueness*»/«*vague*» философы вводят целый ряд уточняющих понятий, которые,

согласно замыслу, должны конкретизировать проблематичную ноцию: «indeterminacy» – неопределенность как недетерминированность; «indefiniteness» – неопределенность как недефинируемость (неопределяемость), «uncertainty» – неопределенность как неуверенность; «unclearly» как неясность; «fuzzy» как нечеткий; «unsettled» как «неустановленный» и «unsettledness» как «неустановленность» и т.п. Использование этих терминов имеет какое-то позитивное значение, однако, как представляется, небольшое, и уж никак не проясняет сущность изучаемого феномена.

Эпистемическая неопределенность

Сущность эпистемических теорий неопределенности состоит в обнаружении данного феномена исключительно в сфере формирования смыслового поля окружающего мира. Это поле включает в себя, помимо сугубо «положительного» содержания, все ментальные конструкции, обладающие неопределенным качеством. При этом важно отличать и не смешивать действительную неопределенность и случаи обычного *недостатка информации*. Высказывание «Этот дом многоэтажный» представляет собою неопределенное указание на число этажей, однако в нем невозможно обнаружить классические характеристики феномена неопределенности: пограничные случаи, парадокс кучи или отсутствие четких границ. Все, что мы здесь находим – это недостаток информации.

Вероятно, отталкиваясь от подобных случаев, Т. Уильямсон связал неопределенность с исключительно эпистемическим качеством, используя при этом широко известный термин Николая Кузанского – “*ignorance*”, то есть незнание: «неопределенность – это эпистемический феномен. Стало быть, он не вступает в противоречие с классической логикой или семантикой. Утверждения, в случаях неясности (*unclearly*), могут быть истинными или ложными, но носители языка не могут определить, какие именно утверждения являются ложными, а какие – истинными. Неопределенность высшего порядка (*higher-order vagueness*) состоит в незнании незнания (*ignorance about ignorance*)» [Williamson 2001, 3]. Значит, «эпистемическая точка зрения не может последовательно относить неопределенность к вещам самим по себе» [Ibid., 257]. Поэтому Алиса Нэй таким образом формулирует дефиницию эпистемической неопределенности: «точка зрения, согласно которой неопределенность – это незнание (*ignorance*); это не вопрос фундаментальной неопределенности в мире или неопределенности того, к чему относятся наши слова или понятия, а наше незнание того, к чему именно они применяются» [Neu 2014, 115].

Откровенно говоря, наше общечеловеческое исходное гносеологическое (эпистемологическое) состояние – это как раз *незнание*. Говоря словами Р. Киф, «незнание – это наше состояние по умолчанию (*ignorance is our default state*), и недостаток знаний не нуждается в объяснении» [Keefe 2003, 64]. В таком случае ответа требует вовсе не вопрос «Почему мы чего-то не знаем?», а прямо противоположный: «Почему и откуда мы знаем нечто?». Следовательно, эпистемическая неопределенность – это и есть изначальное и, стало быть, нормальное человеческое состояние. Именно по этой причине сторонники эпистемического подхода жестко подчеркивают, что «источником какой-либо неопределенности является наш способ концептуализации положения дел, а не само положение дел» [Williamson 2003, 711]. И коль скоро неопределенность – это разновидность незнания, то в таком случае *коренную причину* неопределенности в самом общем виде можно обозначить таким образом: «Признак, в общих чертах описываемый как имеющий нечеткую (*fuzzy*) границу, следует охарактеризовать с точки зрения нашего незнания того, где именно заканчиваются пределы расширения этого предиката» [Keefe 2003, 62–63].

Однако такого рода простые объяснения не удовлетворяют метафизиков, и они стремятся внести ясность в объяснение причин незнания. Так, Т. Уильямсон предлагает концепцию «неточного знания» и принцип «права на ошибку». Сам феномен *неточного знания* можно легко проиллюстрировать без всякого обращения к неопределенности. Например, я знаю совершенно точно, что общее число слов в романе

Л. Толстого «Война и мир» не менее 100 000, но не более 200 000. Это я знаю точно. Вместе с тем это как раз и есть неточное знание, «легко узнаваемый когнитивный феномен», как говорит Уильямсон. Или другой пример: мне совершенно точно известно, что высота баобаба, растущего у меня во дворе, колеблется в пределах от двадцати одного до двадцати трех метров. Это совершенно точно! И это еще один пример неточного знания. В ситуациях с неточным знанием, полагает Уильямсон, мы имеем *право на ошибку*. Более того, это право обладает статусом принципа, который гласит: для того, чтобы существовала наша *вера* в то, что информация *X* является *знанием*, необходимо, чтобы информация *X* была истинной в тех случаях, которые подпадают под «*допустимую погрешность*» (margin for error). В этом случае *запас* принципа погрешности можно выразить в такой форме:

«*X*» истинно во всех тех случаях, которые *аналогичны* случаям, в которых точно известно, что «*X*» истинно.

Стало быть, неточное знание характеризуется незнанием одних фактов и знанием других; при этом незнание каких-то фактов должно подпадать под допустимую погрешность. В этом случае мы будем иметь право на ошибку. Тогда этот тип знания можно обозначить, как, допустим, «знание об общем количестве слов в романе Л. Толстого «Война и мир» или же «знание о высоте баобаба, растущего у меня во дворе». Главной характеристикой такого рода знания будет тот факт, что конкретные точные сведения, которые мы не знаем (точное число слов, точная до миллиметра высота баобаба), находятся в тесной связи с информацией, о которой мы знаем (число слов – от 100 000 до 200 000, высота – от двадцати одного до двадцати трех метров). При этом соотношение знаний, которые мы знаем, и знаний, которые мы не знаем, дает нам «право на ошибку», поскольку это соотношение находится в пределах «допустимой погрешности».

Несмотря на присутствующий здесь принцип допустимой погрешности, а также право на ошибку, сами метафизики этого направления довольно высоко оценивают свою теорию, поскольку, как они полагают, эпистемический взгляд как форма реализма вкуче с «(классическими) истинностными значениями, присваиваемыми предложениям, представляют собою реальные (хотя иногда и неизвестные) характеристики этих предложений по отношению к миру, а не просто артефакты модели» [Keefe 2003, 83].

В завершение этой темы необходимо подчеркнуть, что этот обзор проблемы неопределенности – всего лишь легкое, едва заметное прикосновение к вопросу (не затронута даже метафизика супервалюционизма!). Современная метафизика неопределенности по объему и структуре настолько обширна и глубока, что одно только полное обзорное изложение потребовало бы значительного места. Так что данный очерк – лишь предварительное знакомство с проблемой.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Диоген Лаэртский 1979 – *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979 (Diogen Laertius, *Lives and Opinions of Eminent Philosophers*, Russian Translation).

Куайн 2010 – *Куайн У.В.О.* Логика и овеществление универсалий // *Куайн У.В.О.* С точки зрения логики. М.: Канон +, 2010 (Quine, Willard V.O., *From a Logical Point of View*, Russian Translation).

References

Aune, Bruce (2002) “Universals and Predication”, Gale, Richard M., ed., *The Blackwell Guide to Metaphysics*, Blackwell, Oxford, pp. 131–150.

Barnes, Elizabeth (2009) “Vagueness”, Le Poidevin, Robin, Simons, Peter, McGonigal, Andrew, Cameron, Ross P., eds., *The Routledge Companion to Metaphysics*, Routledge, London, New York, pp. 370–381.

Bostock, David (2002) *Intermediate Logic*, Clarendon Press, Oxford.

- Dummett, Michael A.E. (1994) *The Logical Basis of Metaphysics*, Harvard University Press, Cambridge.
- Hyde, Dominic (2008) *Vagueness, Logic and Ontology*, Ashgate, Aldershot.
- Keefe, Rosanna (2003) *Theories of Vagueness*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Keefe, Rosanna, Smith, Peter (1996) "Introduction", Keefe, Rosanna, Smith, Peter, eds., *Vagueness: A Reader*, The MIT Press, Cambridge, London, pp. 3–57.
- Lewis, David (1986) *On the Plurality of Worlds*, Blackwell, Oxford.
- Lowe, Edward J. (2011) "Vagueness and Metaphysics", Ronzitti, Giuseppina, ed., *Vagueness: A Guide*, Springer, Dordrecht, Heidelberg, London, New York, pp. 19–54.
- McGee, Vann (1991) *Truth, Vagueness, and Paradox. An Essay on the Logic of Truth*, Hackett Publishing Company, Indianapolis, Cambridge.
- Ney, Alyssa (2014) *Metaphysics. An Introduction*, Routledge, London, New York.
- Shapiro, Stewart (2006) *Vagueness in Context*, Clarendon Press, Oxford.
- Sorensen, Roy (2003) *A Brief History of the Paradox. Philosophy and the Labyrinths of the Mind*, Oxford University Press, Oxford.
- Sorensen, Roy (2004) *Vagueness and Contradiction*, Clarendon Press, Oxford.
- Williamson, Timothy (2001) *Vagueness*, Routledge, London, New York.
- Williamson, Timothy (2003) "Vagueness in Reality", Loux, Michael J., Zimmerman, Dean W., eds., *The Oxford Handbook of Metaphysics*, Oxford University Press, Oxford, pp. 690–716.

Сведения об авторе

СЕМЕНОВ Валерий Евгеньевич –
 доктор философских наук, профессор кафедры
 Истории зарубежной философии философского
 факультета Московского государственного
 университета имени М.В. Ломоносова.

Author's Information

SEMYONOV Valeriy Ye. –
 DSc in Philosophy, Professor
 of the Department of History of Foreign Philosophy,
 Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow
 State University.